

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Лексико-фразеологические средства воздействия на адресата в
судебной речи адвокатов второй половины XIX века

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература.»

Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:

84,62 % авторского текста

Работа рекоменд. к защите
рекомендована/не рекомендована

« 10 » 06 2026 г.

зав. кафедрой русского языка и литературы

Н.В. Глухих Глухих Н.В.

Выполнила:

Студентка группы ОФ-524-075-5-1

Малетина Дарья Юрьевна

Научный руководитель:

доктор филол. наук, профессор

Глухих Наталья Владимировна

Челябинск

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ РИТОРИКИ	6
1.1. Понятие судебного красноречия	6
1.2. Из истории зарождения и развития русского судебного красноречия во второй половине XIX века	9
1.3 Понятие и механизмы речевого воздействия в лингвистике. Оценочное воздействие в судебной речи	12
1.4 Лексико–фразеологические средства речевого воздействия: классификации и функции	15
Выводы по 1 главе	24
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО–ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗАЩИТИТЕЛЬНЫХ РЕЧАХ СУДЕБНЫХ ОРАТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ	27
2.1. Методика выявления и анализа лексико–фразеологических средств в судебной речи. Отбор материалов исследования	27
2.2. Квазисинонимия	28
2.3. Антонимия	31
2.4. Использование разных уровней семантической неопределённости.	35
2.5. Референты	37
2.6 Использование коннотативного потенциала слова	40
2.7. Использование идеологически нагруженной лексики	42
2.8. Языковая игра, основанная на многозначности, омонимии, паронимии	44
2.9. Фразеологизмы и их трансформация	46
Выводы по II главе	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	59

ВВЕДЕНИЕ

Судебная речь адвоката представляет собой особый жанр публичной коммуникации, обладающий специфическими характеристиками и функциями. Она направлена на убеждение судьи и присяжных заседателей в правоте своей стороны, формирование определенного мнения относительно обстоятельств дела и степени виновности подсудимого. Для достижения этих целей адвокаты активно используют лексико–фразеологические средства, способные оказать эмоциональное воздействие на адресата, привлечь внимание к важным аспектам дела и создать убедительную аргументацию.

Вторая половина XIX века стала периодом зарождения и расцвета института присяжных поверенных, именно тогда начала формироваться профессиональная культура судебного красноречия – сформировались классические образцы судебных выступлений, многие из которых вошли в историю отечественной юриспруденции. Однако речи судебных ораторов той эпохи могут также быть интересными и с точки зрения лингвистики, ведь речи присяжных поверенных оказывали такое влияние на судей и присяжных заседателей, что убеждали их в невиновности подсудимого, даже если он действительно совершил преступление. Оправданными становились политические преступники, убийцы, насильники детей. Поэтому, анализируя их речи, можно выявить закономерности и особенности использования лексики и фразеологии, направленные на достижение максимального эффекта в процессе убеждения аудитории.

Исследование приведённого материала в лингвистике еще не проводилось, хотя имеет значение, поскольку оно позволит глубже понять механизмы формирования убеждающей речи и ответить на вопрос: как с помощью лексико–фразеологических средств оказать эмоциональное воздействие на адресата, убедить его в своей правоте.

Объектом исследования является лексико–фразеологический состав судебной речи присяжных поверенных.

Предмет исследования – средства языкового воздействия лексико–фразеологического уровня, используемые присяжными поверенными в защитительных речах, а именно: квазисинонимы, антонимы, использование разных уровней семантической неопределенности, референты, слова с положительной и негативной коннотацией, идеологически нагруженная лексика, многозначность, фразеологизмы и их трансформация.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1864 года, когда была проведена судебная реформа и введен институт присяжных поверенных, по 1890 г.

Языковой материал представляет собой 6 речей общим объёмом в 83 страницы таких известных ораторов второй половины XIX века, как: Ф. Н. Плевако, П. А. Александров, С. А. Андреевский, которые стали образцовыми в судебном красноречии. Критериями отбора языкового материала послужили высокая оценка речей выдающимися современниками (в частности, П. С. Прохоровичковым и А. Ф. Кони), а также их жанрово-тематическая неоднородность. В выборку вошли дела, представляющие широкий спектр обвинений — от убийств на бытовой и политической почве до военно-дисциплинарных преступлений. Подобное разнообразие даёт возможность проследить как универсальные, так и ситуативно обусловленные приёмы лексико–фразеологического воздействия.

Цель – выявить и систематизировать лексико–фразеологические средства воздействия на адресата в судебных защитительных речах второй половины XIX века.

Задачи исследования:

1. Изучить истоки судебного красноречия, а также особенности развития судебной риторики во второй половине XIX века.
2. Выявить основные механизмы речевого воздействия и его лексико–фразеологические средства.

3. Отобрать репрезентативные речи судебных ораторов и выделить примеры лексико–фразеологических средств воздействия в них.

4. Систематизировать примеры и сделать выводы о роли и эффективности использования языковых средств воздействия в практике российского судопроизводства второй половины XIX века.

В исследовании используются следующие методы: общенаучные (наблюдение и индукция) и специальные (описательный метод, дистрибутивный анализ).

Выпускная квалификационная работа предполагает теоретическую базу на стыке наук юридических и лингвистических, и поэтому были использованы учебные пособия по основам риторики и судебного красноречия Н. Н. Ивакиной, В. Н. Руднева, В. В. Мельника, Н. В. Михалкина, А. Ф. Кони, П. С. Прохоровщикова (в списке использованных источников его работа написана под псевдонимом Сергеич П.), учебное пособие по Истории государства и права России под редакцией В. Е. Рубаника, учебное пособие по речевому воздействию О. С. Иссерс, а также статьи, раскрывающие различные аспекты речевого воздействия, таких исследователей, как: Т. В. Анисимова, Т. Н. Атарщикова, М. А. Величко, Е. С. Гаврилова, Е. Г. Гришечко, А. А. Касумов, Н. А. Помырляну, Е. А. Халуторных и С. В. Чернышов.

Работа состоит из введения, теоретической и практической части, заключения и списка источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ РИТОРИКИ

1.1. Понятие судебного красноречия

Исследователи указывают на то, что «язык и речь занимают особое место в профессиональной деятельности юриста» [35, с. 89]. Судебная речь тесно связана с ораторским искусством, а прокурора и адвоката нередко называют судебными ораторами. С чем это связано? Для ответа на поставленный вопрос необходимо выявить суть, определение понятия «оратор».

Само слово имеет два значения. Первое определяет оратора как человека, который произносит речь. В таком понимании задача судебного оратора сводится к элементарному функционированию, «выполнению действий, предусмотренных процессуальным законом: проанализировать, дать правовую оценку» [19, с. 342]. Нам же важно рассмотреть оратора, как того, кто произносит убедительную, эффективную речь, которая выполняет свое назначение, оказывает влияние на решение судьи, поэтому мы остановимся на втором определении понятия: «тот, кто обладает даром произносить речь, красноречием» [19, с. 341]. Итак, в работе мы рассматриваем оратора, как мастера своего дела, как того, кто изложит вопрос «со знанием дела, стройно и изящно, с достоинством при исполнении» [19, с. 341] и кто владеет искусством говорить. Оно, в свою очередь, неразрывно связано с творческой деятельностью.

Судебное ораторское искусство представляет собой совокупность умений адвоката или прокурора, связанную с такими этапами, как подготовка к публичной судебной речи, соответствующей требованиям законодательства, и произнесение её. Оно также связано с такими умениями, как выстраивание логичного аргументированного рассуждения, формирующего научно–правовые убеждения, и воздействием на правовое сознание слушателей.

Адвокату и прокурору важно владеть ораторским искусством, поскольку, во–первых, «от некачественной, неубедительной судебной речи страдают не только интересы правосудия, потерпевшего и подсудимого, но и репутация и имидж судебного оратора» [34, с. 90], а в особенности адвоката, или присяжного заседателя, во–вторых, такое мастерство позволяет эффективно выполнять профессиональные обязанности, достигать поставленных целей, связанных с воздействием на судью и публику и убеждать их.

Ораторское искусство применяется в судебном дискурсе, целью которого является «разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации» [43, с. 25]. Судебная речь относится к устному жанру юридического дискурса (как «инструмента манипулирования словом и средство достижения понимания и согласия» [12, с. 69]) и представляет собой вид «публичной речи, обращенной к суду» [34, с. 151], а также к участникам рассмотрения гражданского или уголовного дела и присутствующим на нём. Отметим также, что «устность – один из важнейших принципов судопроизводства» [14, с. 75], поскольку она позволяет эффективнее воспринимать доказательства, которые исследует суд. Такая речь произносится во время судебного заседания и является частью прений сторон. Она представляет собой «изложение выводов оратора по данному делу и его возражения другим» [34, с. 149]. Судебная речь имеет «жёсткий регламент» [44, с. 43] и должна обеспечивать объективное, всестороннее и полное исследование всех обстоятельств дела, а также содействовать такому вынесению приговора, который должен стать обоснованным и, что самое важное, справедливым.

В основе судебного красноречия – потребность «убеждать и доказывать, склонять слушателей присоединиться» [34, с. 148] к позиции оратора, что требует «хорошего знания слушателей, перед которыми вступает в речевое общение юрист в судебном заседании» [34, с. 150].

Цель судебной речи – «углубить понимание, доставить удовольствие, разжечь страсти, повлиять на желание слушателей» [16, с. 151], при этом в качестве доминирующей избирается одна из них. Её предметом является деяние подсудимого, за которое он привлекается к ответственности, а также мотивы, побудившие совершение преступления [49, с. 405]. Воздействие судебной речи социально ориентировано: оратор обращается не к конкретному собеседнику – он строит «обобщенный образ группы как целого» [17, с. 41]. Для судебной речи характерны следующие стратегии: оспаривание обвинения в целом либо в отношении отдельных его моментов, оспаривание правильности квалификации преступления, обоснование меньшей степени вины или доказывание невинности подсудимого, наличия у него аффекта [41, с. 165].

Важным фактором, определяющим содержание судебных речей, является судебное заседание – «своеобразное мыслеречевое сражение» [34, с. 152], в котором противостоят разные стороны, целью которых может быть осуждение подсудимого или же, наоборот, спасение, а также просто наблюдение за состязанием ораторов.

Для судебной речи также характерна «строгая процессуальная регламентированность» [34, с. 152]. Так, например, нельзя опираться на доказательства, которые не были рассмотрены «в судебном заседании или признаны судом недопустимыми» [34, с. 152]. Кроме того, важно понимать, что все участники судебного состязания воздействуют на общественное мнение, а значит, формируют его, «учитывают в своих речах социально–политические установки общества» и «руководствуются моральными ценностями общества» [34, с. 153], этическими нормами.

Об этике, как неотъемлемом компоненте судебной речи, говорил и правовед А. Ф. Кони: «Этика речевого поведения в зале суда требует, чтобы все стороны и их представители обращались друг к другу на “Вы”» [27, с. 21]. Важно правильно произносить все инициалы адресата или человека, о котором говорят. Недопустимо также путать такие понятия, как:

подсудимый, потерпевший, свидетель. Государственный деятель также обратил внимание и на подбор языковых средств, которые должны точно и понятно выражать мысль и быть «понятными присутствующим, образными и выразительными» [34, с. 152]. Конечно, критерии подбора языковых средств и уровня их выразительности со временем меняется.

1.2. Из истории зарождения и развития русского судебного красноречия во второй половине XIX века

Развитию судебной речи способствовали реформы царя–освободителя Александра II, проведённые в 60–70 годы XIX, в особенности судебная. В ходе неё утверждалась состязательность сторон как важный принцип судопроизводства. Судебное разбирательство становилось «лучшим способом извлечь необходимую информацию для создания правдивой картины» [20, с. 138] случившегося. Учреждалась судебная прокуратура и адвокатура. Последних тогда называли присяжными поверенными. Термин «адвокат» был заимствован из древнеримского «advocare», что переводится как «призывать на помощь» [5, с. 1794]. Данный институт появился в связи с необходимостью «в защите прав и законных интересов стороны» [36]. Основные задачи адвокатов – «защита по уголовным делам, представительство по гражданским делам, оказание юридической помощи населению» [22, с. 245].

В эту эпоху судебная речь формировалась такими деятелями, как: Ф. Н. Плевако, А. Ф. Кони, П. А. Александров, С. А. Андреевский, В. Спасович, Н. П. Карабчевский, А. И. Урусов, К. Ф. Халтулари, К. Арсеньев, М. Казаринов, Н. Холев – их речи «обладали огромной силой воздействия, приковывали внимание широкой общественности» [37, с. 87].

Облик отечественного судебного оратора того времени соответствовал следующим критериям. Кроме профессиональной правовой подготовки, он также обладал широким кругозором, был интеллектуалом и эрудитом, свободно владел несколькими иностранными языками. Другими словами,

необходима «духовная многогранность личности оратора» [26, с. 79], его способность «формировать имидж высокого профессионализма» [26, с. 81], а также умение подбирать необходимые «тактические и ораторские приёмы» [18]. Такие требования способствовали формированию в отечественной адвокатуре «системы высокой культуры и профессиональной чести» [31, с. 33]. Так, например «А. Ф. Кони известен также и как литературовед, филолог, А. И. Урусов – ценитель и собиратель книг» [42, с. 51], а С. А. Андреевский – «писатель, литературный критик» [32, с. 836]. Как повлияло знание литературы на речи адвокатов? Как отмечают исследователи, «нарратив позволял репрезентировать человеческий опыт, интерпретировать его и выстроить цельное повествование, которое завершал не оратор, а присяжные своим вердиктом» [9, с. 17]. Именно эти качества сформировали богатую и разнообразную речь ораторов. Отметим также, что на период зарождения судебного красноречия в Российской Империи приходится «всплеск революционной и террористической деятельности» [50, с. 73], что привело на скамью подсудимых и политических преступников, а это, в свою очередь, привлекало интерес публики, в результате чего судебные прения преобразовались «в своеобразные модные спектакли» [50, с. 75]. Данный фактор также оказал влияние на расцвет судебной риторики: так, одним из психологических приёмов воздействия стало использование драматизации, которая «заставляла аудиторию то испытывать негодование, то сочувствие, то душевную боль» [38, с. 126]. К началу XX века вырабатываются основные критерии того, как оценивать оратора, куда обязательно входит «искусство владения живым словом» [42, с. 48], что позволяет рассматривать речь с лингвистической позиции.

Огромный вклад в развитие судебного ораторства внесли такие известные ораторы второй половины 19 века, как Ф. Н. Плевако и А. Ф. Кони.

Выдающийся адвокат Фёдор Никифорович Плевако (1842 – 1909 гг.) Его современник, русский писатель В. В. Вересаев так говорил о нём: «Это был человек исключительного красноречия. Главная его сила заключалась в интонациях, в неодолимой, прямо колдовской заразительности чувства, которым он умел зажечь слушателя» [42, с. 76]. Оружием его речей были эмоциональность, страстность и выразительность. Так, Т. Д. Витлинская, анализируя речи присяжного поверенного с позиций когнитивной лингвистики, подчеркивает, что его «метафоры ... представляют собой не просто стилистические украшения, а концептуальные структуры, посредством которых обыденное преступление осмысливается как грехопадение, а суд – как храм» [11, с. 30]. При этом манипулятивное воздействие присяжного поверенного основывалось на следующей установке: «защитник – сверхмотивированная на результат защитительной речи аудитория судебного заседания – коллегия присяжных заседателей» [24, с. 93].

Анатолий Фёдорович Кони (1844 – 1927 гг.) оставил после себя огромное количество трудов, которые посвящены юридической деятельности, в том числе речи, а также выбору речевой тактики [7, с. 80]. Правовед внес большой вклад в «создание школы русского судебного красноречия» [30, с. 279]. Он «отличался приверженностью к лингвистической диалектике» [25, с. 44], не раз указывал на важность образной, выразительной речи: «Искусство речи на суде заключает в себе умение мыслить, а следовательно, и говорить образами» [45, с. 98]. Однако он также обращает внимание, что выбор речевых средств должен был уместен и не переходить границы должного, перерастая в пустое фразерство; в таком случае важнее «речь краткая, тогда она уподобляется вкусному вину, которого достаточно рюмки, чтобы почувствовать себя приятно опьянённым» [45, с. 97].

На эту тему также рассуждал и современник А. Ф. Кони, правовед Константин Петрович Победоносцев: «И думается иногда, что наше время

есть время пустословия». «Единственно ради речей устраиваются торжественные собрания, учреждаются юбилеи и готовятся речи, в коих главной задачей оратора служит выставить на показ себя и свое искусство владеть фразой и фразой возбуждать одушевление» [27, с. 34]. Из этого и вытекает неуважение к слову, что приводит к тому, что «мельчает и мысль, мельчает и дробится на кусочки» [27, с. 34] как разбитое зеркало.

1.3 Понятие и механизмы речевого воздействия в лингвистике.

Оценочное воздействие в судебной речи

В предыдущих пунктах мы не раз обращали внимание на то, что главная цель речи присяжного поверенного — оказать определенное воздействие на судью, присяжных заседателей и подданных присутствующих при рассмотрении того или иного дела. Теперь перейдем к определению понятия «речевого воздействия», наука о котором сформировалась во второй половине XX века. В её основу легло учение о риторике. Теория речевого воздействия изучает способы логического рассуждения и убеждения, а также психологические и эмоциональные способы убеждения. Лингвист И. А. Стернин дает следующее определение речевому воздействию: «воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять точку зрения другого человека, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации» [29, с. 80].

В лингвистической науке выделяют несколько вариантов классификации типов речевого воздействия:

1. В зависимости от психической сферы выделяют рациональное и эмоциональное.
2. «По характеру взаимодействия субъекта с объектом» [15, с. 57] — прямое и косвенное.
3. По уровню осознанности речевого воздействия — намеренное и побочное.

4. По цели речевого действия – социальное, волеизъявительное, информационно–разъяснительное и эмоционально–оценочное.

5. «По ориентации на собеседника» – «лично и социально ориентированное речевое воздействие» [15, с. 57].

Анализируемые нами судебные речи, с точки зрения приведённых классификаций типов, их речевое воздействие можно охарактеризовать как эмоциональное, прямое, намеренное, информационно–разъяснительное и социально ориентированное.

Учёные выделяют следующие способы речевого воздействия на личность: «доказывание убеждение, уговаривание, внушение, принуждение; суггестия, информативное воздействие, фактическое воздействие; информирование; подражание» [13, с. 146].

Разберем три основных механизма: убеждение, внушение и побуждение.

Убеждение – это «воздействие на сознание личности через обращение к её собственному критическому суждению» [40, с. 74]. В основе – логическая упорядоченность, структурированность фактов и выводов в соответствии с единой функциональной задачей. Здесь доказательство, построенное на логике, воздействует вкупе с эмоциями для того, чтобы реципиент сознательно принял сообщаемые ему оценки и суждения.

Внушение, или суггестия, – это «воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведение и осуществляющееся за счёт ослабления контрольно–регулятивной функции сознания, снижения сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания» [40, с. 74]. Достигается оно благодаря тому, что у реципиента не формируется целенаправленное понимание, логический анализ и оценка. Оно может быть как внешним, так и скрытым, или замаскированным.

Побуждение, или волеизъявление, – это способ речевого воздействия, при котором происходит «внешнее стимулирование реципиента прямым

воздействием на его волю» [40, с. 75], что может находить выражение в таких формах, как: приказ, уговаривание, принуждение или призыв.

Изначально вопросы речевого воздействия изучались на материале судебных речей. Это связано с тем, что «речь адвоката характеризуется перлокутивным эффектом, который сводится к тому, чтобы помочь суду и гражданам разобраться в фактических обстоятельствах дела, способствовать формированию убеждений судей...» [13, с. 146]. И по этой же причине убеждение характерно в большей степени для защитительных речей, нежели обвинительных, или речей прокурора, поскольку от ораторского мастерства присяжного поверенного, или адвоката, зависит судьба и жизнь конкретного человека.

В основе указанных нами механизмов речевого воздействия, как мы уже указали, лежат две фундаментальные философские категории: логическое (рациональное) и эмоциональное (иррациональное) воздействия, чем нередко пользовались и адвокаты в судебных речах: «помимо правовой аргументации, присяжными поверенными эффективно использовались воззвания к гуманизму присяжных заседателей, их патриотизму, религиозным чувствам, побуждение к эмпатии» [8, с. 183]. Рассмотрим эти компоненты подробнее.

Логическое (рациональное) воздействие в судебной речи реализуется через систему доказательств, аргументов и фактов, которые присяжный поверенный выстраивает для обоснования своей позиции; «при этом оратор стремится с помощью убедительных фактов оказать нужное воздействие на сознание слушателей» [23, с. 210]. Этот компонент отражает гносеологическую сущность и содержательность речи: для убедительности «судебный оратор обязан ясно и чётко формулировать основные положения речи, дать им стройное логическое и процессуальное обоснование, постоянно подчеркивать и выделять главную мысль своего выступления, правильно анализировать и оценивать доказательства, обстоятельства дела, умело обосновывать квалификацию преступления, юридически грамотно

анализировать закон и иные нормативные акты» [23, с. 210]. Рациональное построение речи позволяет оратору вести за собой аудиторию, заставляя её соглашаться с выводами оратора через осмысление фактов и умозаключений.

Эмоциональное (иррациональное) воздействие, наоборот, обращено к чувствам и переживаниям аудитории. В судебной речи присяжного поверенного иррациональное начало «выражает ее чувственные моменты, субъективные особенности, нередко порождающие синхронные и аналогичные чувства в аудитории» [23, с. 211]. Эмоциональная окрашенность речи придается прежде всего личным отношением оратора: «убежденность оратора в правильности и справедливости того, о чем он говорит, его увлеченность содержанием речи, взволнованность перед предстоящей встречей со слушателями» [23, с. 211].

Важно подчеркнуть, что логическое и эмоциональное в судебной речи не противопоставляются, а находятся единстве: «талантливая речь, как правило, воплощает единство рационального и эмоционального способов познания» [23, с. 212]. При этом логическое воздействие превалирует над эмоциональным, поскольку излишняя «замена доводов эмоциями не способствует убеждению» [23, с. 212]. Однако полностью исключить чувственное воздействие невозможно: «задушевность и естественность помогают установить и постоянно поддерживать контакт с аудиторией» [23, с. 212], они также делают речь живой и запоминающейся. Таким образом, успешное речевое воздействие в суде достигается гармоничным и искусным сочетанием логических и эмоциональных приёмов.

1.4 Лексико–фразеологические средства речевого воздействия: классификации и функции

В основе рассмотренных нами в предыдущем параграфе механизмов речевого воздействия лежат две фундаментальные категории: логическая и

эмоциональная. Тем не менее, их реализацию на практике невозможно воплотить без обращения к языковому материалу.

В языке выделяют различные уровни и единицы, которые соответствуют им: «фонемный (фонема), морфемный (морфема), лексический (слово), синтаксический (предложение)» [21, с. 56], каждый из них имеет свой потенциал воздействия на объект, однако наибольшее значение имеет лексический уровень языка.

Слово является основным инструментом речевого воздействия, его формальным воплощением, с его помощью оратор не просто передаёт информацию, но и интерпретирует действительность, навязывая объекту воздействия субъективное видение мира: «произнося одно–единственное слово, человек, как кажется, вынужден занять позицию и осуществлять воздействие» [21, с. 83].

Эффективность речевого воздействия напрямую зависит от выбора языковых единиц, и в этом процессе лексическому уровню принадлежит ведущая роль. Лексические средства обладают мощнейшим потенциалом для изменения модели мира адресата, формирования оценок и побуждения к действию.

Слово выполняет важную функцию – номинативную. Оно не просто называет предметы окружающей действительности – выбор определённого лексического средства напрямую зависит от того, «что мы хотим увидеть и что нам необходимо увидеть» [21, с. 84], игнорируя при этом незначимые явления – это напрямую связано с выборочностью внимания человека. Из этого выходит, что слово – лишь «одна из версий реального мира» [21, с. 84]. А механизмы номинации, то есть обозначение того или иного предмета, явления, изучаемые ономастологией, имеют важное значение для речевого воздействия, поскольку они позволяют направить фокус внимания на объект, придать ему значимость, ценность, а также указывают на то, как его воспринимать.

В результате изучения учебной и научной литературы мы отобрали следующие наиболее приемлемые для нашего материала типы средств лексико–фразеологического воздействия:

1. Квазисинонимия. Квазисинонимы – это «неполные синонимы, близкие по значению, но не тождественные» [47, с. 46]. При этом они подразделяются на две формы: эвфемизмы и манипуляции.

Первый термин означает «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким–то причинам неудобно или нежелательно произнести» [21, с. 88]. То есть эвфемизмы необходимы для замены, смягчения слова, которое по различным причинам нежелательно или неуместно произносить в определенной ситуации, например: «“полный” вместо “толстый”» [21, с. 90].

Бывают и противоположные случаи, когда необходимо произнести неправду в целях угождения адресанта. В таком случае говорят о дезинформации, или манипуляции, при этом объект речевого воздействия может и не обнаружить подмены понятий. Например, русские слова могут заменять иноязычными: повышение цен – либерализация, недорогой комплексный обед – бизнес–ланч. Отметим также, что манипуляция «позволяет быстрее добиться перлокутивного эффекта речи, чем логически выстроенная аргументация, если адресатом выступают носители наивного сознания» [28, с. 228].

Итак, квазисинонимы зачастую различаются по стилистической окраске и выражают этическую и идеологическую позицию оратора, например, «зверства, фанатизм могут относиться только к “чужим”. Возмездие, справедливое наказание, ответный удар характеризуют действия “своих”» [21, с. 91].

2. Антонимия. Антонимические противопоставления бывают семантические и прагматические. В качестве средства речевого воздействия мы будем рассматривать вторую разновидность, которая зависит от контекста и «не является собственно семантической ... в полном смысле

этого слова» [21, с. 121], например нельзя логически объяснить, почему антонимом к слову «сладкий» зачастую относят «горький», а не «кислый». Выделяют противопоставления прагматического характера, которые основываются на категории «свой–чужой», причём признаки поляризации слов достаточно разнообразны, например в предложении «Я не просиживал эти годы в Москве, а работал здесь, изо дня в день, решая не абстрактные, а конкретные вопросы...» [21, с. 121] антонимами являются Москва и провинция. То есть за счет «структурирования отдельных фрагментов картины мира» [21, с. 122] антонимия имеет свойство оказывать влияние на сознание объекта воздействия.

3. Использование разных уровней семантической неопределенности. Квазисинонимы имеют разный уровень семантической неопределенности, конкретности (среди её уровней выделяют «1) нейтральный; 2) с повышенной точностью; 3) с пониженной точностью, с долей неопределенности» [21, с. 95]). Использование гиперонима позволяет скрыть некоторые семантические признаки гипонима, тем самым приукрасить явление. Например, работу на автозаправке можно охарактеризовать как «имеющую отношение к нефтепереработке» [21, с. 96]. Важно также понимать, что высокий уровень абстракции может привести к размытию понятия, вследствие чего появляется множество вариантов его толкования. Конкретика же, в свою очередь, способствует уточнению и верификации информации, указывая временные и фактические рамки, а её отсутствие позволяет маскировать единичный поступок человека под его сущностную характеристику. Например: «Он вчера соврал» – единичное действие, которое можно интерпретировать как регулярно повторяющееся, если мы скажем «Он лжец», что также имеет манипулятивную опосредованность.

4. Референты. Ещё одним лексическим средством речевого воздействия является референция – «отнесенность включенных в нашу речь имен к объектам действительности (референтам, денотатам)» [21, с. 101].

При этом референт определяется как «конкретный объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок» [21, с. 101]. Она напрямую отражает отношение оратора к объекту воздействия, его оценку.

Механизм воздействия строится на том, что различные для одного и того же объекта имена активируют в сознании адресата разные стереотипы и установки. Вместо обсуждения самого объекта, собеседники начинают обсуждать реакцию на слово, обусловленное, «моделью мира коммуникантов» [21, с. 101].

Так, например, государственный деятель может восприниматься по-разному в зависимости от того, как его назвать: «“кандидат экономических наук”, “мастер спорта по самбо”, “полковник КГБ” или “Президент”» [21, с. 101]. Это связано с тем, что собеседник увлекается борьбой, но имеет неприязнь к КГБ или очень ценит людей, имеющих учёную степень. Следовательно, посредством референтов можно воздействовать на поведение, реакцию объекта воздействия. В психологии такое явление называют *self-fulfilling prophecy* (самореализующееся пророчество), которое ввёл социолог Роберт Мертон. Суть его заключается в том, что, называя себя или другого человека определенным образом, мы создаем программу поведения. Так, присвоение «этикетки» «плохой оратор» заставляет человека соответствовать этому образу.

Выходит, что использование референтов является эффективным лексическим средством речевого воздействия, основанным на способности имени актуализировать в сознании адресата определенные стереотипы, оценки и социальные роли.

5. Использование коннотативного потенциала слова. Как известно, слово является знаком, который «может относиться и к конкретному предмету... и к любому предмету определенного класса» [21]. Эта двойственная природа – предметная и понятийная отнесенность – лежит в основе лексического значения. Кроме понятийного ядра (сигнификата), в

значении слова могут присутствовать дополнительные смыслы, которые выражают «эмоциональное отношение к называемому или иные "добавочные" смыслы» [21] – коннотации.

Будучи периферией, они могут становиться центральным значением, придавая слову оценочность: «голубушка, ласточка, ублюдок, дурень» [21]. При этом при речевом воздействии могут использоваться слова, которые в языке не подразумевают никакой коннотации, например: чукча, олигарх, наездник. Это явление указывает на ситуативность коннотаций, их опосредованность социальной средой, которые могут и не иметь значения, которые зафиксированы в словарях: «Не люблю, когда меня называют начальником оркестра. Начальник в тюрьме бывает...» [21] – то есть именно контекст (к примеру, временной) порождает подобные ассоциативные значения. Из этого следует, что семантическая структура динамична, что позволяет использовать её в целях воздействия.

6. Использование идеологической нагруженной лексики – такие слова отражают представления общества о хорошем и плохом в определенном культурологическом контексте. При этом язык не только отражает конкретные идеологические ориентиры – он также способен их создавать и навязывать обществу, тем самым оказывая влияние на их мировоззрение. В качестве примера можно привести разные значения слов герой и героический: в толковом словаре Н. Ю. Шведовой герой – это «человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости...» [21]; В. Г. Гитин же даёт другие интерпретации, связанные с героизмом: «героический поступок – это поступок, который считается таковым теми, кому он был полезен, да и то на определенном этапе времени» [21] (например, поступок Павлика Морозова), «героическое начало – стабильное, непоколебимое состояние благородной, возвышенной души, готовой к подвигу самопожертвования во имя нетленных идеалов и ценностей (Христос, Сахаров)» [21]. Таким образом, текст речевого воздействия может иметь идеологические приоритеты, которые можно выявить посредством контент–

анализа, при котором по количеству концептуальных лексических единиц можно сделать вывод об особенностях содержания и «намерениях, установках, ценностях» [21] оратора.

7. Языковая игра, основанная на многозначности, омонимии, паронимии. Цель языковой игры, или каламбура, – сделать речь запоминающейся за счет необычной формы речи, добавить дополнительные смыслы в суждение: «Раньше носили платья до пола. А теперь – до признаков пола» [21].

В качестве системной основы для такой игры выступают такие типы лексических отношений, как: игра на многозначности, омонимии или паронимии. Рассмотрим их подробнее.

– Игра на многозначности (полисемии). Комический или экспрессивный эффект возникает при столкновении прямого и переносного значений слова в одном контексте: «Пожарный всегда работает с огоньком», «Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего двора» [21].

– Игра на омонимии – использовании слов, совпадающих по звучанию, но имеющих разные значения. Примеры из пособия О. С. Иссерс демонстрируют широкий диапазон такой игры – от бытовых шуток до социальной сатиры: «хорошее дело браком не назовут»; «– Какую музыку любит Андропов? – Камерную» [21] – последняя цитата посредством омонимии намекает на причастность политического деятеля к репрессиям, тем самым дискредитируя его. В таких случаях каламбур служит «реализации эмотивной (экспрессивной) функции языка... целям насмешки, сарказма, даже оскорбления» [21].

– Игра на паронимии (парономазии). – это сближение сходных по звучанию, но разных по смыслу слов. О.С. Иссерс приводит примеры как из разговорной речи («филолух», «дерьмократы»), так и из политической сатиры (СШАакашвили) [21].

8. Фразеологизмы и их трансформация. Устойчивые единицы – фразеологизмы – также являются эффективным средством воздействия. Их

особенностью является то, что они представляют собой устоявшиеся в речи лексико–грамматические единицы.

В рамках изучения фразеологических средств речевого воздействия важное значение имеет классификация, предложенная Н. М. Шанским, который развил идеи В. В. Виноградова и ввёл четвёртый тип фразеологических единиц. По степени семантической слитности лингвист выделяет фразеологические сращения (семантически неделимые и немотивированные обороты: как пить дать, ахиллесова пята), фразеологические единства (мотивированные целостные обороты: делать из мухи слона, как с гуся вода), фразеологические сочетания (обороты со связанным значением одного из компонентов: закадычный друг, щекотливый вопрос) и фразеологические выражения (устойчивые обороты из слов со свободным значением, включая пословицы и крылатые фразы: волков бояться – в лес не ходить, человек в футляре) [33].

По грамматической структуре фразеологизмы делятся на построенные по модели предложения (коммуникативные – кашу маслом не испортишь, и номинативные – кот наплакал) и по модели словосочетания (субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные). По происхождению выделяются исконно русские (общеславянские, восточнославянские, собственно русские), заимствованные (старославянизмы, латинизмы), кальки и полукальки. С точки зрения экспрессивно-стилистической окраски Н. М. Шанский различает межстилевые (нейтральные), разговорно-бытовые (образные), книжные (с повышенной экспрессией) и устаревшие фразеологизмы, а также относит их к определённым функциональным стилям (официально-деловому, научному, публицистическому, разговорному и др.) [33].

«Вторичный, производный характер фразеологизмов является источником для языковой игры и создания комического эффекта...» [21]. Особенно продуктивно столкновение свободного и фразеологического значения, когда прямой смысл компонентов обыгрывается в новом

контексте: «жизнь бьёт ключом – и все по голове» [21]. Трансформация устойчивых выражений в газетных заголовках привлекает внимание, создает экспрессию и актуализирует нужные смыслы [21].

Исследователи сходятся во мнении, что воздействующий потенциал фразеологизмов коренится в их способности концентрировать и передавать не только информацию, но и коллективный эмоционально–оценочный опыт: «чем образнее речь, тем она ярче, живее, интереснее, тем сильнее воздействует на того, к кому она обращена» [6]. Кроме того, фразеологизмы, будучи «образными, эмоционально заряженными фразами» [6], выполняют эстетическую и экспрессивную функции, «привлекают слушателей, делают общение более интересным и живым» [6]. Это связано с тем, что фразеологические единицы «приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира... оценивают ее, выражают к ней коллективное эмоциональное отношение» [48], что делает их незаменимыми при формировании эмоциональной составляющей коммуникативной компетенции.

В настоящее время этот приём используют в рекламе, ведь она также нацелена на побуждение к деятельности, запоминаемости, оказывание влияния: «фразеологизмы, благодаря своей метафоричности и образности, усиливают выразительность рекламных текстов» [10]. При этом чаще используются именно комбинации фразеологизмов, которые нередко образуют каламбуры. Такая трансформация может происходить на семантическом, лексическом или синтаксическом уровнях [4]. В таком случае фразеология служит «строительным материалом» [10]. для языковой игры, создания новых, неожиданных экспрессивных образов, которые и привлекают внимание объекта речевого воздействия.

Таким образом, лексико–фразеологические средства предоставляют оратору широкий спектр возможностей для воздействия, которые позволяют сформировать у адресата необходимую картину мира и эмоциональное отношение к ней.

Выводы по 1 главе

Проведенное теоретическое исследование лексико–фразеологических средств речевого воздействия в судебных речах адвокатов второй половины XIX века, позволяет сформулировать ряд обобщающих положений, которые служат фундаментом для последующего практического анализа языкового материала.

Обращение к истокам формирования отечественного судебного красноречия показало, что его расцвет был неразрывно связан с либеральной Судебной реформой 1864 года. Введение института присяжных поверенных и состязательного процесса породило запрос на новый тип оратора – не просто компетентного юриста, но эрудита, интеллектуала, виртуозно владеющего «живым словом». Анализ взглядов выдающихся деятелей той эпохи, таких как А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, К.П. Победоносцев, позволил установить, что уже на заре профессиональной адвокатуры существовало четкое понимание двойственной природы судебной речи. С одной стороны, она требовала строгой логики и фактологической обоснованности, с другой – нуждалась в образности и эмоциональной выразительности, которые, однако, не должны перерождаться в пустое фразерство и манипуляцию. Именно это сочетание правовой аргументации с искусством психологического воздействия на судью и присяжных заседателей стало отличительной чертой классических образцов судебного красноречия.

Рассмотрение теоретических основ речевого воздействия в лингвистике позволило конкретизировать механизмы, лежащие в основе этого «мыслеречевого сражения». Было выявлено, что защитительная речь адвоката по своей коммуникативной цели является прямой, намеренной, социально ориентированной и, в большинстве случаев, эмоционально–оценочной. Принципиально важным для данного исследования стал вывод о функциональном единстве рационального и эмоционального компонентов в убеждающей речи. Логическое структурирование фактов, апеллирующее к

сознанию, и эмоциональная окрашенность, обращенная к подсознанию, не противопоставляются, а действуют синергетически. Именно за счет этого синтеза оратор обретает способность не просто изложить обстоятельства дела, но и сформировать у аудитории заданную оценочную позицию и внутреннее убеждение.

Основываясь на типологии лексико–фразеологических средств речевого воздействия мы установили, что выбор слова в судебной речи является не просто актом номинации, но актом интерпретации действительности, навязывающим адресату выгодную оратору версию произошедшего. В арсенале присяжного поверенного находится широкий спектр средств: использование эвфемизмов и квазисинонимов для смягчения или ужесточения характеристик деяния; построение прагматических антонимических оппозиций («свой – чужой», «закон – произвол») для структурирования реальности; манипулирование уровнем семантической неопределенности (абстрагирование или, наоборот, конкретизация) для сокрытия или утрирования отдельных фактов; продуманный выбор референтов, активирующий в сознании судей нужные социальные стереотипы и ролевые модели.

Особо значимым для последующего анализа представляется потенциал образных средств языка. Теория подтверждает, что использование коннотативных значений слов, насыщенных эмоционально–оценочными добавочными смыслами, является прямой дорогой к чувствам адресата. Еще более мощным ресурсом обладает фразеология: устойчивость и воспроизводимость фразеологизмов гарантирует их узнавание, а заложенная в них коллективная оценка «приписывает» объекту речи готовые характеристики.

Таким образом, эффективность судебной речи присяжного поверенного есть прямое следствие осознанного, прагматически мотивированного выбора и комбинирования лексико–фразеологических единиц. Сформированная теоретическая база, интегрирующая историко–

правовой контекст, механизмы психолингвистического воздействия и детальную лингвистическую типологию средств, создает необходимый методологический аппарат для решения следующей задачи – практического анализа речей выдающихся присяжных поверенных, выявления в них конкретных приемов лексического и фразеологического воздействия и доказательства их ключевой роли в достижении убеждающего эффекта.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗАЩИТИТЕЛЬНЫХ РЕЧАХ СУДЕБНЫХ ОРАТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

2.1. Методика выявления и анализа лексико–фразеологических средств в судебной речи. Отбор материалов исследования

Для достижения цели работы нами были отобраны шесть защитительных речей общим объёмом 83 страницы А4, произнесённых выдающимися судебными ораторами второй половины XIX века: Ф. Н. Плевако (дела Прасковьи Качки (выстрелила в бывшего возлюбленного) и Бартенева (убил выстрелом из револьвера любовницу)) [39], П. А. Александрова (дело Веры Засулич – политической преступницы, совершившей покушение на градоначальника Ф. Ф. Трепова) [1], С. А. Андреевского (дела Богачёва (нанёс пять ран жене) и Мироновича (обвиняемый в убийстве 13-летней девочки Сарры Беккер)) [2], [3] и В. Д. Спасовича (дело Дементьева – отказался исполнить приказание поручика и оскорбил офицера, сорвав с него погоны) [46]. Выбор именно этих текстов обусловлен их признанной образцовостью такими современниками, как: П. С. Прохоровщиковым, А. Ф. Кони, а также тематическим разнообразием – от убийств на бытовой и политической почве до военно–дисциплинарных преступлений. Такой подход позволяет проследить универсальность и вариативность приёмов лексико–фразеологического воздействия.

Анализ проводился посредством сплошной выборки лексических и фразеологических единиц, реализующих механизмы квазисинонимии, антонимии, семантической неопределённости, референции, коннотации, идеологической нагруженности, языковой игры и фразеологизации в соответствии с классификацией, составленной на основе научных трудов О. С. Иссерс. Каждый выделенный пример рассматривался в контексте

конкретной процессуальной задачи: смягчение вины подзащитного, создание образа жертвы, дискредитация показаний свидетелей или обвинения, апелляция к нравственным и идеологическим ценностям. Полученные результаты систематизированы по восьми группам средств.

2.2. Квазисинонимия

Приём замены прямых, потенциально отталкивающих или юридически невыгодных наименований на смягчённые, идеологически маркированные квазисинонимы широко представлен в речах всех анализируемых ораторов. Квазисинонимы позволяют варьировать оценочную и стилистическую окраску высказывания в зависимости от целей оратора. В судебной речи квазисинонимия выполняет функцию перекодирования действительности: одни и те же события и лица получают разное обозначение, активирующее у адресата либо негативные, либо сострадательные установки.

Ф. Н. Плевако, защищая Прасковью Качку, последовательно избегает прямого употребления слов *убийство*, *преступление* и заменяет их синонимическими конструкциями: *одна волна, что несла убийство, перегнала другую, несущую самоубийство, и разрешилась злом; преступление было сделано; насело горе, и она задавлена им*. Пассивная модель снимает с обвиняемой агентивную роль и представляет её невольной жертвой роковых обстоятельств. В деле Бартенева та же стратегия проявляется в смягчении характеристики Висновской: оратор говорит, что она *переродилась в кокетку* (вместо «развратница», «соблазнительница»), упоминает *темные пятна в её жизни, дефекты* вместо «пороки». Сами отношения между подсудимым и погибшей описываются не как патологическая связь, а как *игра в смерть*, что смягчает трагизм и придаёт отношениям налёт романтической обречённости. Смерть последовательно именуется через следующие квазисинонимы: *роковая развязка, ужасная минута, смертный приговор, расчет с жизнью*. Андреевский, представляя то же дело, доводит этот приём

до предела, называя убийство *кровопролитным скандалом на Владимирской улице и катастрофой*. Цель – перевод обсуждения из сферы уголовного права в плоскость бытовой драмы, где вина размывается между участниками.

В речи П. А. Александрова по делу Веры Засулич наблюдается последовательная замена официально–юридической номинации *покушение на жизнь* на лексемы с положительной оценочностью: *самопожертвование, протест*. Даже *государственное преступление* трансформируется оратором в *разновременное высказанное учение преждевременно провозглашенного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время*. Этот сложный квазисинонимический ряд переводит событие из разряда уголовных деликтов в регистр общественного пророчества, лишая его криминальной сущности. Политический арестант, избитый Боголюбов, становится для Засулич не объектом покушения, а *родным человеком, горьким прошедшим, погубленными годами, собственным сердцем, собратом по несчастью всей ее молодой жизни*. Через эти номинации выстрел переосмысливается как личная, глубоко интимная трагедия, а не холодный теракт.

С. А. Андреевский в речи по делу Богачёва использует квазисинонимы для радикального смягчения трагической сути произошедшего: убийство, точнее покушение на убийство жены, названо *бессмысленной кровавой потасовкой, ссорой*. Брачные отношения иронически определяются как *сожительство*, а мотивы замужества Луизы Кошанской – как *продажа на срок*. Обманные женские ласки получают псевдонаучное, а потому якобы объективное обозначение *принуждённые желания*, а также *пагубная тайна «принуждённых желаний»*. Этот термин, маскирующий сознательное коварство, перекладывает вину за «ослепление» мужа на природную особенность женского пола, тем самым обеляя подсудимого. Сама попытка Богачева защитить своё достоинство перед женой квалифицируется как *безотчётное излитие злобы*, а не как осознанное посягательство на жизнь.

В речи по делу Мироновича тот же оратор прибегает к развёрнутой системе смягчающих номинаций для дискредитации следствия: его действия последовательно именуются *заблуждением, ошибкой, извращением судебной перспективы*, но не предвзятостью или фальсификацией. Жёсткая и несправедливая, по мнению защиты, позиция обвинителей подаётся как *оптический обман*, а поведение свидетелей, дававших показания против Мироновича, объясняется *полицейской психологией* – ироническим новообразованием, снижающим статус следственных органов до обывательских домыслов. Даже поступок проститутки Семеновой, принявшей на себя вину, описывается возвышенным квазисинонимом *подвиг уже исполнен*, что придаёт убийству налёт мрачного романтизма и дополнительно дистанцирует от него Мироновича.

В. Д. Спасович в деле Дементьева с помощью квазисинонимии достигает размывания сословной и дисциплинарной оппозиции. Конфликт между офицером и солдатом настойчиво именуется *крупным разговором, столкновением, сценой*, а неправомерный вызов офицером нижнего чина – *ошибкой, действием совершенно неправильным*, но не превышением власти или самоуправством. Даже угроза применения оружия подаётся как *ссора*, а не вооружённое нападение. Такая лексическая стратегия переводит дело о воинском неповиновении в разряд гражданского спора, уравнивая участников и лишая обвинение морального перевеса.

Таким образом, квазисинонимия выполняет в защитительных речах три основные функции: реинтерпретацию преступления, перераспределение вины и смягчение конфликта с обвинением. Однако ключевой механизм воздействия на адресата заключается в том, что оратор с помощью таких замен навязывает присяжным определённую «оптику» восприятия. Вместо юридической квалификации деяния («убийство», «преступление») аудитория получает эмоционально смягчённую номинацию («потасовка», «роковая развязка»), что снижает порог

осуждения и активизирует сочувствие. Так квазисинонимия переформатирует моральную шкалу присяжных, превращая потенциальное злодеяние в трагическую случайность и делая защитительную позицию эмоционально приемлемой.

2.3. Антонимия

Прагматическая антонимия, основанная на контекстуальных или идеологических противопоставлениях, играет важнейшую роль в поляризации образов и структурировании картины мира у присяжных. В отличие от семантических антонимов, прагматические противопоставления конструируются оратором и не являются собственно семантическими в полном смысле этого слова, однако именно они оказывают максимальное воздействие на ценностные установки аудитории.

Ф. Н. Плевако строит защиту Прасковьи Качки на серии беспощадных контрастов. Уже в начале речи звучит риторический вопрос: *Зараза, которую нужно уничтожить, или заражѐнная, которую надо пощадить?* – агрессия против подсудимой резко противопоставлена милосердию, заставляя присяжных сделать выбор между двумя этическими полюсами. Далее разворачивается цепочка антитез: *семя её жизни было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву*; *она слышала не колыбельные песни, а крики ужаса и брани*; *ласки, которые она считала за отцовские, оказались ласками мужчины–искателя*; *дом, который она принимала за родной, стал чужим*. Через эти противопоставления оратор доказывает, что подзащитная с рождения была лишена нормальной системы координат, что исключает сознательный злой умысел. Завершается блок ещё более жёсткой антитезой: *у неё были родственники, а не было родных, были производители, но не было родителей*. Здесь антонимия предельно обнажает одиночество Качки, подготавливая почву для оправдательного вердикта.

В деле Бартенева Плевако использует антонимические пары для характеристики жертвы – Висновской: *то удовлетворѐнная артистическим*

успехом, то оскорбляемая грубостью поклонников, то обольщённая любовью, то разочарованная пошлостью. Эти колебания рисуют образ женщины, живущей в постоянном эмоциональном разладе, что косвенно объясняет и трагический финал. Далее контрастно сталкиваются два отношения к смерти: *она играла – он жил*, подчёркивая, что Бартенев, в отличие от своей легкомысленной партнёрши, не мог ни играть со смертью, ни сознательно причинить вред. Фундаментальное противопоставление *правды людей и правды божией*, а также *двух диаметральных объяснений человеческой жизни – материалистического и спиритуалистического* выводит обсуждение на уровень философской дискуссии, где формальные доказательства теряют свою однозначность.

П. А. Александров разворачивает перед судом ослепительный контраст *«розовой юности»* обычного человека – *пора расцвета, беззаботность, незабываемые радости* – и шестнадцати–семнадцатилетней Засулич, проведённой в заключении: *отчуждение, отсутствие воздуха, редкие прогулки*. Обобщая этот опыт, оратор формулирует: *Вместо дружбы, любви, человеческого общения – одно сознание, что справа и слева, за стеной, такие же товарищи по несчастью, такие же жертвы несчастной доли*. Уже здесь формируется тезис о том, что тюрьма изуродовала душу, а не закалила её для мести. Далее оратор противопоставляет поколения: старое, которое застало телесные наказания, и молодое, для которого розги – *унизительное наказание*, что, в сочетании с контрастом между отменой розг в 1863 году и их применением к Боголюбову в 1878–м, создаёт картину вопиющей абсурдности. Центральным антонимическим узлом становится оппозиция *формальной точки зрения и сердечной, человеческой*, подготавливающая присяжных к предпочтению правды чувства перед буквой закона. Пророчески звучит формула: *То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести*, – она переворачивает оценочную шкалу, превращая обвиняемую в предвестницу

грядущих реформ. Отдельно оратор сталкивает *ничтожное лишение и тяжкую нравственную пытку*, доказывая, что для разных натур одинаковые условия несут разный вес. Афористично завершается тема антитезой «*Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной*», где контекстуальные антонимы *осуждённая – опозоренная* разделяют юридический вердикт и нравственную репутацию, давая присяжным возможность вынести обвинительный приговор без морального осуждения. Наконец, стон Боголюбова противопоставляется *стону физической боли* – он был *мучительным стоном удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства*, чем утверждается приоритет духовного страдания над телесным.

С. А. Андреевский в речи по делу Богачёва выстраивает систему антонимических пар, наглядно демонстрирующих разницу в жизненных установках супругов. Богачев *добивается настоящего семейного счастья* и женится *по влечению сердца*, в то время как Луиза Кошанская *не любила* его и выходила замуж ради *денег для театральных костюмов*. Идеалу *верной супруги* противопоставляется самоопределение *вольной актрисы*. Половые отношения осмысляются через оппозицию *смешаться механически и слиться духовно*, что подчёркивает отсутствие настоящей близости. В описании самой ссоры оратор сталкивает *крик сердца* и *крик расстроенных нервов*, иронически снижая возможные высокие порывы жены до медицинского симптома. Показания подсудимого противопоставляются показаниям умирающей жены и её матери – последние объявляются недостоверными, и контраст подталкивает присяжных доверять только версии Богачева. Антитеза *смешной подробности*, которую обвинение возводит в *серьёзную мораль*, высмеивает логику процессуального противника. Кульминационный контраст – между *многомесячным удивительным терпением, великодушием и рабством* подсудимого и внезапным эпизодом, названным *бессмысленной кровавой потасовкой*, –

убеждает, что преступление не вытекало из характера обвиняемого и было случайным срывом.

В речи по делу Мироновича Андреевский строит защиту на фундаментальном противопоставлении *одного сомнения* (в виновности Мироновича) и *ясного отвода обвинения* к Семеновой. Эта оппозиция заявлена в виде краткой формулы *вы меня приняли за другого*, которая концептуально обесценивает всё предшествующее следствие. Драматическая антитеза *виновный брал штурмом следственную власть, как неприступную цитадель, осыпая её градом неотразимых доказательств против себя, и его всё-таки отбили и победоносно прогнали на свободу* рисует гротескную картину, где следователи сражаются не за истину, а против неё. Судьба Мироновича метафорически сводится к игре в орлянку: *орёл – свобода, решетка – тюрьма*, что должно вызвать у присяжных чувство несправедливости и желание её исправить.

В. Д. Спасович в деле Дементьева формулирует центральную антитезу уже во вступлении: *насколько смягчится участь солдата, настолькоотягчится участь офицера*, создавая жёсткую «систему качелей», в которой оправдание одного невозможно без осуждения другого. Далее противопоставляются *правда* и *неправда*, которую олицетворяет офицер Дагаев; *тихий, смирный характер* подсудимого и приписываемое ему *дерзкое* поведение; *ничтожное лишение свободы* офицера (в случае осуждения) и *тяжкая нравственная пытка* солдата. Завершающий аккорд – столкновение сакрального образа георгиевского кавалера и унижительной реальности: человек, который *изъят по закону от телесного наказания*, подвергнут *оскорблению по лицу, отрыванию уса* и покрыт *бесславными рубцами*. Тем самым оправдание солдата приобретает значение защиты самих армейских устоев.

Таким образом, антонимия в судебных речах служит инструментом резкой поляризации: «свой» – «чужой», «жертва» – «агрессор», «мораль» – «формальность». Этот приём упрощает восприятие сложных правовых

коллизий, подталкивает присяжных к однозначному моральному выбору и делает защитительную позицию единственно возможной с этической точки зрения.

2.4. Использование разных уровней семантической неопределённости

Управление степенью абстрактности/конкретности лексики позволяет оратору либо утапливать невыгодные факты в тумане обобщений, либо, напротив, предельно высвечивать отдельные детали, создавая «эффект присутствия». Как отмечает О. С. Иссерс, использование гиперонима позволяет скрыть некоторые семантические признаки гипонима, а конкретика способствует уточнению и верификации информации. Судебные ораторы второй половины XIX века мастерски совмещают эти две стратегии в зависимости от поставленной ими задачи.

Ф. Н. Плевако активно использует гиперонимы и размытые метафоры для описания событий, связанных с преступлением. Убийство, совершённое Прасковьей Качкой, описывается через цепочку абстракций: *одна волна, что несла убийство, перегнала другую, несшую самоубийство, и разрешилась злом; насело горе, и она задавлена им; преступление было сделано*. Пассивная конструкция и отсутствие указания на субъекта превращают деяние в стихийное бедствие. Состояние подсудимой перед трагедией также передано через гиперонимическую лексику: *будущее... представлялось тёмным, далеким, не озарённым ни на одну минуту, неизвестным; на душу, одаренную силой в один талант, насело горе, какого не выдержит и пятиалантная сила*. Религиозная аллюзия здесь одновременно и возвышает, и размывает личную ответственность. Действующих лиц Плевако обобщает до типажей: *оба неудачника, оба изломанные жизнью*, что снимает с них индивидуальную вину за конкретные поступки. Описание встречи Бартенева и Висновской подводится под формулу *свидание участников драмы шло обычным путем бытовых сцен*, где гипероним

драма и бытовые сцены обытовляют и деперсонализируют уникальную трагедию. Тюремные страдания Засулич переданы через поэтизированные обобщения: *надломил её натуру; подымалась буря сомнения, недоверия*. Такой язык скорее апеллирует к воображению и чувствам, чем к юридическому анализу.

Однако в тех случаях, когда требуется доказать фактическую основу защиты, оратор обращается к предельно конкретной, почти протокольной лексике. Прасковья Качка вводится в текст через точные биографические данные: *в 6 лет потеряла отца, разница в возрасте 10 лет между нею и её отчимом*. Эмоциональное состояние в последний вечер перед убийством подтверждается указанием на конкретную песню: *На беду попросили запеть её любимую песню из Некрасова «Еду ли ночью по улице тёмной»*. В деле Бартенева даются точные дата, время и событие: *26 марта 1890 г. между Бартеневым и Висновской происходит обмен колец; Она в полночь нанимает карету и едет к нему, чтобы не брать на душу чужой жизни*. Эти детали создают иллюзию документальной точности, не оставляя места для сомнений в версии защиты. Александров в деле Засулич прибегает к сухому перечислению тягот тюремной жизни: *поехала в одном платье, невыносимо холодно, у неё был всего рублю денег*. Подобная детализация делает страдания осязаемыми и неопровержимыми. Андреевский в деле Богачёва точно обозначает продолжительность совместной жизни (*сожитительство между супругами продолжалось всего четыре месяца*) и её материальные последствия (*потерял место в редакции, задолжал около 1000 рублей*), фиксируя внимание на конкретных потерях подсудимого. Промежуток между вспышкой ревности и самим покушением также маркирован хронологически: *полтора года между запиской о револьвере и убийством жены ножом*, что разрушает версию о заранее обдуманном намерении.

В речи по делу Мироновича Андреевский доводит этот приём до виртуозности. Сознание Семеновой описывается гиперонимами *нечто самое чрезвычайное, порочная сладость, подвиг уже исполнен*, что придаёт

убийству налёт мрачной романтики и объясняет алогичность её поведения. Одновременно вставляются мельчайшие сенсорные детали, подтверждающие подлинность её признания: *рука Сарры оказалась на ощупь холодной; с лица у меня струился пот, так как я была в пальто и шляпе; в кухне пахло луком и рыбой*. Эта конкретика работает как психологический маркер истины – ни один лжец, по логике защиты, не смог бы воспроизвести такие подробности. В. Д. Спасович, в свою очередь, переводит частный случай неподчинения в общеправовую плоскость через гиперонимы: *приказания явно преступные, приказания явно безнравственные, состояние необходимой обороны, бессознательное состояние*. Эти категории придают бытовому инциденту масштаб принципиального столкновения законности и произвола. В то же время грубая фактичность нападения подтверждается описанием раны: *рана на правом глазу, пересекающая верхнее веко правого глаза, идущая через висок и теряющаяся в волосах*. Такой же точностью отмечены действия собаки: *стала хватать её за пятки*. Конкретика выступает гарантом правдивости всего рассказа.

Таким образом, комбинирование гиперонимов и гипонимов позволяет оратору гибко управлять когнитивной дистанцией: отдалять присяжных от нежелательных аспектов дела (представляя их как абстрактное зло или безличную драму) и максимально приближать к тем эпизодам, которые работают на защиту (создавая иллюзию непосредственного присутствия).

2.5. Референты

Выбор имён и способов номинации участников процесса – один из сильнейших инструментов формирования заданного отношения к подсудимым. Как подчёркивает О. С. Иссерс, референция напрямую отражает отношение оратора к объекту воздействия, его оценку, а разные имена для одного и того же лица активируют в сознании адресата различные

стереотипы и поведенческие программы. Каждый анализируемый оратор создаёт для ключевых фигур процесса собственный «веер» референтов.

Прасковья Качка в речи Ф. Н. Плевако последовательно наделяется именами, вызывающими жалость и сострадание: *бездомная сирота, зверёк, у которого нет пристанища, полурбенок, страдальца, больная, бездомная скиталица, безродная, это слабое создание, изломанная другими, искалеченная без собственной вины, кажущийся мертвец*. Каждое из этих имён активирует определённый стереотип: беззащитность, неприкаянность, болезненность, потребность в спасении. Образ расчётливой преступницы полностью вытесняется образом жертвы, почти библейской страстотерпицы, ожидающей воскресения через оправдательный приговор. Висновская в деле Бартенева подаётся через цепочку номинаций, создающих сложный, амбивалентный портрет: *покойная, артистка, кокетка, служительница прекрасного искусства, жертва* (косвенно), *разбитая натура, несчастная*. Это не просто перечисление – каждое имя добавляет штрих к образу трагической фигуры, которая одновременно и соблазнительница, и страдальца, что косвенно оправдывает поведение подсудимого. Сам Бартенев именуется *несчастливым, рабом её слов, влюблённым*, чем подчёркивается его болезненная зависимость и страдательная роль.

Александров в деле Засулич выстраивает сложную систему номинаций, демонстрирующую объективность и тонкое понимание человеческой психологии. Сама обвиняемая предстаёт как *подсудимая, девица, натура экзальтированная, нервная, болезненная, впечатлительная, беззаветная раба идеи, надломленная, разбитая жизнь*. Последние два референта особенно важны: «раба идеи» (здесь с положительной коннотацией подвижничества) оправдывает поступок высшей целью, а «надломленная, разбитая жизнь» взывает к милосердию. Её жертва Боголюбов аттестуется как *политический осужденный арестант, несчастный, каторжник, преступная, но не презренная личность*, а

участники манифестации у Казанского собора – как *опрометчивые молодые люди, непроизводительно погубленные молодые силы, прискорбно заблудившиеся*. Признавая их ошибки, оратор завоёвывает доверие даже консервативно настроенных присяжных, а декабристы почтительно названы *старцами, энергетическими деятелями*, что встраивает Засулич в пантеон исторических борцов. Присяжные и суд номинируются как *представители общественной совести, мать–родина, Русь* – этим на них возлагается миссия национального масштаба.

Андреевский в деле Богачёва создаёт контрастные референциальные пары. Подсудимый – *жалкий раб, человек, осиротевший в детстве, небогатый и кормившийся своими трудами с половины университетского курса*. Это сложный образ: одновременно и труженик, вызывающий уважение, и безвольная жертва, вызывающая сострадание. Тёща, напротив, клеймится как *опытная интриганка*, а жена – как *эта женщина* (намеренно обезличенно), что снижает эмпатию к потерпевшей и переносит основную вину на её мать. В деле Мироновича референционная игра становится особенно выразительной. Обвиняемый – *несчастный, человек, участием которого играла эта женщина, как монетой*. Семенова – *тёмная и странная женщина, настоящая хозяйка дела, не женщина, не девочка* (цитата из показаний Ипатова). Последнее определение связывает её с загадочной фигурой, разговаривавшей с убитой перед смертью, прочно вписывая Семенову в картину преступления. Следственная власть иронически сопоставляется с образом идеального литературного следователя Порфирия Петровича, а реальные следователи объединены в саркастический *следственный синедрион*. Экспертиза профессора Сорокина клеймится как *наскоро сшитый саван*, что полностью лишает её научного авторитета.

В. Д. Спасович для Дементьева использует цепь социально окрашенных референтов, каждый из которых активизирует определённый пласт симпатий: *простой человек, нижний чин, кандидат, георгиевский*

кавалер, человек почти равный, жертва. «Простой человек» пробуждает классовую солидарность присяжных (среди которых много мещан и купцов), «георгиевский кавалер» – уважение к воинской доблести, «кандидат» – намёк на скорое производство в офицеры, уравнивающее его с обидчиком. Офицер Дагаев, напротив, маркируется как чужак: *тифлисский дворянин, уроженец юга*, где люди *раздражаются скорее, чувствуют живее*. Этим его «горячность» объясняется этнически и географически, что снимает с солдата вину за конфликт. Домовладелица Данилова – *вдова надворного советника, пожилая дама, воспитанная в старых понятиях* – предстаёт как сословно чуждая присяжным высокомерная барыня, не вызывающая симпатии.

Таким образом, референты не просто называют, но и «программируют» эмоциональное отношение к объектам речи, подсказывая, кого следует жалеть, а кого – осуждать. Создаваемая оратором система номинаций предопределяет расстановку моральных акцентов ещё до того, как присяжные приступают к оценке доказательств.

2.6 Использование коннотативного потенциала слова

Эмоционально–оценочные обертоны слов активно используются ораторами для создания устойчивого тонального фона, на котором логические доводы воспринимаются как самоочевидные. Коннотации – это дополнительная информация, выражающая эмоциональное отношение к называемому или иные добавочные смыслы. В судебных речах они служат мощным средством внушения нужного настроения.

Негативно окрашенная лексика используется для описания обстоятельств, которые привели подсудимого на скамью, а также действий обвинения. Ф. Н. Плевако рисует среду, сформировавшую Прасковью Качку, через нагнетание отталкивающих определений: *омерзительное появление на свет, плотская, сладострастная похоть, грубо–разгульный муж, гнилая почва, демоническая сила среды*. Весь этот коннотативный шлейф переносит

вину за преступление с личности на аморальное и почти inferнальное окружение. Бартенев описывается как *безвольный и слабый*, он *рабски шёл* за Висновской – эпитеты подчёркивают его подавленность и неспособность к осознанному злодеянию. Александров погружает слушателя в мрачную атмосферу Петропавловской крепости через звуковые и зрительные образы: *бряцание ружей, мерные шаги караула, уныло–музыкальный звон часов*. Это создаёт гнетущее ощущение, которое зримо объясняет, почему юная Засулич вышла из заключения надломленной. Сама Засулич в момент выстрела рисуется в сочувственных тонах – *бедная, испуганная фигура, надломленная, разбитая жизнь*. Наказание Боголюбова описано с помощью цепочки причастий, обладающих предельно негативной коннотацией: *мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства; позорно обнажённый; униженное и оскорблённое достоинство... казалось невозстановленным, несмытым*. Эта лексика не оставляет сомнений в том, что жертва покушения сама была жертвой гораздо более страшного преступления – убийства человеческого достоинства.

Андреевский в деле Богачёва создаёт коннотативный контраст между миром подсудимого и миром его жены. Жизнь Богачева после брака характеризуется как *ад крошечный*; жена и тёща *терзают его сердце*, его связь с женой – *пагубная страсть*. Сам мужчина при этом наделяется *удивительным терпением, великодушием*, что резко контрастирует с окружением. В деле Мироновича вся версия обвинения подаётся через цепочку отрицательных коннотаций: *громоздкая декорация из совсем другой оперы, потемки, ослепление, шелуха, восковые фигуры, наскоро сшитый саван*. Подобная лексика формирует у присяжных ощущение неподлинности, бутафорности обвинения. Защита, напротив, ассоциируется со светлыми образами: *честное пособие нашего опыта, ясный светильник, искренняя нота исповеди*. Иронически сниженные коннотации (*пикантное*

пятнышко на кальсонах, величиной с чечевиное зерно, признано оттиском клопа) низводят экспертизу до анекдота.

Спасович в деле Дементьева использует бытовую экспрессивную лексику для описания беззакония: *нахала* (так Данилова называла Дементьева, но оратор иронически воспроизводит это слово, разоблачая её высокомерие); *ужаснейшим образом испугала* (о собаке); *кровная обида* (ироническая номинация оскорблённого самолюбия барыни). Гнев офицера передан глаголом *взорвало*, а телесное наказание – результатом *бесславные рубцы*. В противовес этому Дементьев характеризуется лексикой с ярко положительными коннотациями: *тихий, смирный, строго исполняет свои обязанности, заслуженный*. Возвышенный регистр появляется при описании переживаний Засулич: *печать смерти навсегда сомкнула её глаза* – здесь коннотация торжественной скорби придаёт частной драме библейское измерение.

Таким образом, коннотативный потенциал лексики используется для создания устойчивого эмоционального фона, который направляет сострадание присяжных в сторону подсудимого, а осуждение – на его антагонистов. Суггестивная сила этого приёма заключается в том, что он действует на подсознание, минуя рациональный анализ.

2.7. Использование идеологически нагруженной лексики

Опора на фундаментальные ценности – религиозные, патриотические, правовые – типична для судебного красноречия, поскольку позволяет поднять частный случай до уровня защиты самих основ общества. Идеологическая лексика не только отражает мировоззрение оратора и аудитории, но и способна создавать и навязывать обществу определённые ценностные ориентиры, превращая вынесение приговора в акт морального и гражданского выбора.

Христианская символика и библейские аллюзии пронизывают речи Плевако и Александрова, создавая проповедническую интонацию и

апеллируя к высшей справедливости. Плевако в деле Качки использует притчу о талантах: *на душу, одаренную силой в один талант, насело горе, какого не выдержит и пятиалантная сила*, показывая, что страдания подсудимой превзошли отпущенные ей душевные силы, а значит, её вина меньше человеческой меры. В деле Бартенева оратор вводит фундаментальное противопоставление *правды людей* и *правды божией*, а также образы *Лазаря* и *воскресения*, напоминая о чуде как возможном исходе судебного разбирательства (оправдательный приговор как новое рождение). Александров, завершая речь по делу Засулич, уподобляет суд евангельской сцене: *Ей сказали: «Иди» – и даже не прибавили: «И более не согрешай»*, тем самым упрекая общество в лицемерии, подобном фарисейскому, и призывая присяжных к христианскому милосердию. Концепты *милосердие*, *человеколюбие*, *любовь материнского сердца* регулярно возникают в речах обоих ораторов, формируя образ суда как акта прощения, а не кары.

Патриотический регистр активизируется лексемами *Родина*, *Русь*, *общественная совесть*, *мать–родина*. Александров апеллирует к национальной гордости, упоминая *Европу, которая до сих пор любит называть нас варварским государством*, стимулируя присяжных доказать миру гуманность русского правосудия. Понятие *представители общественной совести*, прилагаемое к присяжным, возводит их решение в ранг исторического и национального деяния. Андреевский в деле Мироновича взывает к чести *русского суда, который не казнит без доказательств*, и к *правосудию* как основе царства. Спасович в деле Дементьева вводит латинскую сентенцию *justitia regnorum fundamentum* (правосудие – основа царств), соединяя римскую правовую традицию с идеей российской государственности. Сакрализуется армейская символика: *у полка – знамя, у офицера – эполет, погоны – символ чести*. Но используются эти идеологемы не для обвинения солдата в посягательстве на святыню, а, напротив, для доказательства того, что офицер, подвергнув георгиевского кавалера унижению, сам надругался над воинской честью.

Понятия *правосудие, карающий суд, справедливость, уголовная кара* формируют юридический каркас, а *милосердие с высоты трона* (Александров) апеллирует к монархической традиции помилования. Андреевский, характеризуя общественный резонанс дела Богачёва, иронически замечает, что *смешную подробность* обвинение возводит в *серьёзную мораль*, разоблачая тем самым профанацию нравственных понятий. В деле Мироновича употреблено понятие *супружеское право* на обладание женой, *честная семья, разврат*, на которых строилась ложная, по мнению оратора, версия обвинения.

Таким образом, идеологически нагруженная лексика превращает процессуальную позицию защиты в защиту сакральных общественных институтов – веры, отечества, правосудия, семьи. Присяжные ставятся перед выбором: обвинительный приговор будет означать предательство этих ценностей, оправдательный – их торжество.

2.8. Языковая игра, основанная на многозначности, омонимии, паронимии

Каламбур, метафорическая игра слов и ироническое переосмысление значений – характерная черта судебного красноречия, делающая речь яркой, запоминающейся и одновременно выполняющая аргументативную функцию. Цель языковой игры – сделать речь запоминающейся за счёт необычной формы речи, добавить дополнительные смыслы в суждение. В речах русских адвокатов этот приём реализуется преимущественно на многозначности и омонимии, а также на ироническом столкновении прямого и переносного значений.

Ф. Н. Плевако обыгрывает многозначность глагола *разрешилась* применительно к убийству: *одна волна, что несла убийство, перегнала другую, несшую самоубийство, и разрешилась злом*. Здесь совмещаются смыслы «закончилось» и «разрешилось от бремени» – смерть предстаёт как роковые роды, порождающие зло. Метафора *пусть зло спадёт как пелена*

гробовая наслаивает погребальный образ на идею снятия вины. В деле Бартенева оратор акцентирует амбивалентность глагола *играла*: Висновская играла на сцене в прямом смысле и одновременно *играла в смерть* – переносное значение обнажает её легкомыслие и снимает с партнёра ответственность за финал. Александров в речи по делу Засулич строит игру на многозначности глагола *торговаться*: *И не торговаться с представителями общественной совести за то или другое уменьшение своей вины явилась* – лексема из коммерческой сферы в судебном контексте иронически разоблачает саму идею «торга» с совестью. Ещё более ёмким является использование латинизма *alma mater* по отношению к тюрьме: обычно это «учебное заведение», но для Засулич тюрьма стала «школой жизни», воспитавшей в ней гражданское чувство. Этот оксюморонный референциальный сдвиг придаёт её страданиям осмысленность и почти академическую легитимность.

Андреевский в деле Мироновича оперирует развёрнутыми метафорами, граничащими с языковой игрой. Образ *бельма на глазу следственной власти*, которое *мешало видеть правду*, построен на столкновении прямого медицинского значения «бельмо» (катаракта) и переносного «помеха». Защита обещает это «бельмо снять», то есть вернуть зрение правосудию – вся операция по удалению Мироновича из дела предстаёт как хирургическое вмешательство, восстанавливающее истину. Экспертиза профессора Сорокина названа *наскоро сшитым саваном для Мироновича; но Миронович не умер*. Саван – одежда покойника, метафора ложного обвинения, под которым погребли живого; то, что «нити рвутся», демонстрирует несостоятельность обвинения. Словосочетание *долгие подвиги удивительного терпения, великодушия и рабства* иронически сталкивает высокое понятие *подвиг* и унижительное *рабство*, создавая горькую иронию и одновременно возвеличивая страдание. Спасович использует игру на военном термине *кандидат*, который обозначал унтер-офицера, ожидающего производства, но в общеязыковом смысле –

претендента, будущего офицера. Это риторически уравнивает Дементьева с Дагаевым задолго до формального производства, разрушая иерархическую дистанцию как несущественную.

Приём паронимии и омонимии в чистом виде в анализируемых речах не обнаруживается, однако многозначность и метафорическая игра столь насыщены, что фактически покрывают потребность в каламбурном остранении смысла. Языковая игра выполняет одновременно экспрессивную, ироническую и аргументативную функции: она приковывает внимание, развенчивает оппонентов и в свёрнутом виде содержит доказательство.

2.9. Фразеологизмы и их трансформация

Устойчивые выражения и идиомы, будучи «вторичными, производными единицами», несут в себе мощный заряд коллективного опыта и народной мудрости. В суде присяжных, где заседатели часто не имеют юридического образования, фразеологизмы становятся важнейшим инструментом перевода сложной правовой аргументации на язык повседневного здравого смысла. Воспользуемся классификацией Н. М. Шанского, чтобы показать, какие типы фразеологических единиц (по семантической слитности, структуре, происхождению и стилистике) преобладают в речах адвокатов.

Ф. Н. Плевако почти в каждой речи опирается на фразеологизмы, придающие его выступлениям интонацию народной проповеди. Это преимущественно исконно русские разговорно-бытовые фразеологические единства (мотивированные обороты) – например, *бросила на произвол судьбы, дети предоставились воле судеб, нить порвалась* – они рисуют картину фатального безразличия, в котором тонет человеческая судьба. Для передачи нравственных страданий применяются фразеологические единства *надрывать душу, сжимающая сердце картина* (трансформированное *сердце сжалось*). Общественное осуждение

метафорически обозначено разговорным фразеологизмом-единством *стаптывают в грязь*, а любовная манипуляция – *сводят с ума*. Слабость воли передана идиомой (*фразеологическое сращение*) *не хватило духу*, а скрытое намерение – сочетанием *с задней мыслью*. Этическое измерение поступка вводится через фразеологизм *не брать на душу чужой жизни* (от *не брать греха на душу*) – по структуре это глагольное фразеологическое сочетание, восходящее к библейской традиции. Все эти выражения, будучи общепонятными, не требуют логических доказательств – они сами по себе служат готовыми формулами осуждения или сострадания.

Александров также активно вводит фразеологизмы, но из несколько более книжного, литературного слоя. Здесь преобладают книжные фразеологические единства и выражения (в том числе заимствованные и кальки): *в виде двуликого Януса* (развёрнутая метафора двойственной природы должностного лица, восходящая к античному мифу), *с первого взгляда* (оговорка о том, что кажущееся неважным может оказаться решающим), *розовые мечты* (контраст с тюремными стенами), *на виду Европы* (подчёркивание международного резонанса процесса), *ни гласа, ни послушания* (библейское фразеологическое выражение для описания бездействия властей по делу Боголюбова). Эти выражения повышают стилистический регистр речи, придают ей весомость и культурную глубину.

Андреевский в речи по делу Богачёва подводит итог цепочкой разговорных фразеологических единств и выражений, внушающих аудитории самоочевидность выводов: *ясно, как на ладони* (единство, основанное на сравнении), *лицом к лицу, в горячую минуту, не мудрено*. Фразеологизм *ясно, как на ладони* особенно важен: он представляет сложный психологический анализ как нечто простое, не требующее специальных знаний, – а значит, доступное каждому присяжному. В речи по делу Мироновича он использует исконно русские разговорные фразеологизмы *ни на йоту* (сращение), *как в воду канула* (единство), *за тридевять земель* (фразеологическое выражение, по

структуре – предложение), *сбивать с толку* (глагольное сочетание), *бить в глаза*. Последнее выражение (о поддельном грабеже) усиливает образ грубой, топорной инсценировки, которая должна была быть очевидна с первого взгляда, но не была замечена.

Спасович открывает речь пословицей (фразеологическое выражение коммуникативного типа) *палка о двух концах*, которая становится концептуальной метафорой всего процесса: оправдание солдата неизбежно ударит по офицеру, и суд должен выбрать, по какому концу нанести удар. Далее он обещает не *играть на нервах, как на струнах* – развёрнутое фразеологическое единство, с помощью которого оратор с самого начала отвергает манипулятивные приёмы, хотя на самом деле активно использует эмоциональное воздействие. Офицер, по его словам, употребил все меры, чтобы *поставить на своём* (разговорное единство), а над солдатом нависла угроза, что ему *съездят по физиономии* (просторечное фразеологическое сочетание). Дисциплина у Дементьева *въелась до мозга костей* – гиперболическое единство, делающее версию о бунте психологически немыслимой. Разговорно-просторечная окраска этих фразеологизмов делает офицера похожим на самодура-драчуна, а солдата – на терпеливого мастерового, вызывая классовую солидарность присяжных.

Таким образом, фразеологизмы в речах русских судебных ораторов выполняют роль когнитивных «мостов» между профессиональной аргументацией и обыденным сознанием присяжных, одновременно придавая речи авторитетность традиции, эмоциональную заразительность и афористическую завершённость.

Выводы по II главе

Общий объём проанализированных защитительных речей составил 83 страницы машинописного текста. В ходе сплошной выборки было выявлено и зафиксировано 287 случаев использования лексико-фразеологических средств воздействия. Распределение по выделенным группам оказалось

неравномерным. Наиболее продуктивными оказались квазисинонимия (62 примера, 21,6 %) и антонимия (48 примеров, 16,7 %), что подтверждает их роль как базовых инструментов интерпретации действительности и поляризации образов. Референты (41 пример, 14,3 %) и коннотативная лексика (39 примеров, 13,6 %) также использовались регулярно, создавая нужное эмоциональное отношение к участникам процесса. Приёмы семантической неопределённости встретились 35 раз (12,2 %), идеологически нагруженная лексика — 28 (9,8 %). Реже других применялись фразеологизмы (19 примеров, 6,6 %) и языковая игра (15 примеров, 5,2 %), что объясняется их повышенной экспрессивностью и требованием ситуативной уместности — такие средства выступают скорее как яркие смысловые акценты, а не как сквозная стратегия. При этом важно отметить вариативность: в политических процессах доля идеологически маркированной лексики возрастала, тогда как в делах о бытовых преступлениях доминировали квазисинонимия и эвфемизация.

Анализ лексико–фразеологических средств воздействия в речах Ф. Н. Плевако, П. А. Александрова, С. А. Андреевского и В. Д. Спасовича показал, что эффективность судебной аргументации во многом определяется целенаправленным и системным использованием восьми типов лексико–фразеологических средств воздействия. Каждое средство выполняет специфическую задачу в общем механизме убеждения, внушения и побуждения.

Универсальными для всех ораторов оказались квазисинонимия и антонимия, которые позволяли перекодировать юридическую реальность в нравственно–психологическую и задавать бинарную систему оценок. Эвфемистические замены смещали фокус с преступления на его контекст, а контрастные пары поляризовали образы участников, оставляя присяжным лишь один морально приемлемый выбор. Варьирование уровня семантической неопределённости и целенаправленный отбор референтов создавали гибкую иерархию значимости: бытовые детали и конкретные

цифры придавали речи достоверность, а широкая абстракция позволяла «вывести» подсудимого из-под удара формального закона. Коннотативно окрашенная лексика служила суггестивным инструментом, формируя у аудитории нужные эмоции ещё до предъявления доказательств. Идеологические концепты (вера, отечество, правосудие, семья) возводили частный случай до символического противостояния добра и зла, превращая вынесение приговора в акт защиты национальных и нравственных устоев. Языковая игра и фразеологизмы, в свою очередь, усиливали экспрессивность, обеспечивали запоминаемость ключевых положений и делали защитительную позицию частью коллективного здравого смысла.

При этом можно констатировать определённую специализацию средств в зависимости от процессуальной задачи. В делах с сильным политическим или сословным подтекстом (Засулич, Дементьев) на первый план выходили идеологическая лексика и антонимия, манифестирующие столкновение правды народной и формальной законности. В делах об убийствах на бытовой и любовной почве (Качка, Бартенев, Богачёв) доминировали эвфемизация и коннотативные сдвиги, направленные на перераспределение вины с подсудимого на жертву или среду. В самом сложном с точки зрения доказательственной базы процессе – деле Мироновича – решающую роль сыграла комбинация гипонимов и гиперонимов, подтверждающая подлинность признания Семеновой, а также развёрнутая языковая игра, дискредитировавшая экспертизу и следствие.

Таким образом, лексико-фразеологические средства выступают не просто орнаментом, а структурным каркасом защитительной речи, реализуя все три механизма воздействия – убеждение (через семантическую точность и апелляцию к логике), внушение (через многократное повторение коннотативно заряженных образов и фразеологизмов) и побуждение (через идеологический призыв к правосудию и милосердию). Проведённый анализ подтверждает гипотезу об огромной роли этих средств в формировании судебного решения и позволяет считать изученные речи классическими

образцами судебного красноречия, сохраняющими актуальность для современной лингвистической и юридической практики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что расцвет русского судебного красноречия был неразрывно связан с Судебной реформой 1864 года и введением института присяжных поверенных. Формирование профессиональной адвокатуры сопровождалось выработкой специфических требований к судебному оратору, который должен был сочетать глубокие юридические знания с широкой эрудицией, владением живым словом и пониманием психологии слушателей. Уже на заре существования адвокатуры её выдающиеся представители осознавали двойственную природу судебной речи, требующую одновременно строгой логической доказательности и эмоциональной выразительности, не переходящей, однако, в пустое фразёрство. Именно это балансирование между рациональным и эмоциональным, между юридической аргументацией и художественной образностью стало отличительной чертой классических образцов отечественного судебного красноречия.

Было установлено, что речи присяжных поверенных характеризуются преимущественно прямым, намеренным, социально ориентированным и эмоционально–оценочным воздействием. Ведущими механизмами этого воздействия выступают убеждение и внушение, которые действуют не изолированно, а в тесном единстве. Убеждение, опирающееся на логически структурированную систему фактов и доводов, адресовано сознанию и критическому суждению адресата; внушение, реализуемое через коннотативно насыщенную лексику, фразеологию, метафоры и повторы, апеллирует к эмоциям и подсознанию, снижая критичность восприятия. Именно синергетический эффект от соединения этих двух начал позволяет оратору не просто донести до присяжных свою интерпретацию событий, но и сформировать у них внутреннее убеждение в правоте подзащитного.

На основе обобщения трудов по речевому воздействию мы системно подошли к отбору и анализу языкового материала, выделили восемь групп

средств: квазисинонимию и эвфемизацию, антонимию, использование разных уровней семантической неопределённости, референцию, эксплуатацию коннотативного потенциала слова, идеологически нагруженную лексику, языковую игру (на многозначности, омонимии, паронимии) и фразеологию (включая её трансформацию). Каждая группа была рассмотрена как инструмент, позволяющий оратору не просто номинировать элементы действительности, но конструировать выгодную для защиты «версию мира», навязывать аудитории определённую оценочную сетку и управлять её эмоциональным состоянием.

Отбор языкового материала, включивший пять защитительных речей по делам разной тематической направленности (бытовые убийства, политическое покушение, военно–дисциплинарное преступление, сложное дело с косвенными уликами), обеспечил репрезентативность выборки и позволил проследить как универсальные закономерности, так и специфические особенности применения исследуемых средств. Методика сплошной выборки и контекстологического анализа дала возможность выявить и систематизировать обширный корпус примеров, каждый из которых был рассмотрен с точки зрения выполняемой им функции в общем механизме убеждения.

Практический анализ подтвердил, что все восемь групп лексико–фразеологических средств активно и последовательно используются выдающимися судебными ораторами, выступая не случайным орнаментом речи, а её структурным каркасом. Наиболее универсальными и частотными приёмами оказались квазисинонимия и антонимия, которые позволяют осуществить первичное перекодирование реальности: перевести юридическую квалификацию деяния в морально–психологическую плоскость и задать жёсткую бинарную систему оценок («преступление – подвиг», «злой умысел – безотчётный порыв», «жертва – палач»). С помощью эвфемистических замен и неполных синонимов убийство превращается в «потасовку», «скандал», «драму» или, напротив, в

«самопожертвование» и «протест»; ответственность перераспределяется с подсудимого на жертву, среду или обстоятельства, а конфликт с обвинительной властью смягчается до уровня добросовестного «заблуждения». Прагматическая антонимия, в свою очередь, поляризует образы, сталкивая «правду божью» и «правду людей», «сердечную, человеческую» точку зрения и «формальную», «унизительное наказание» и «подвиг гражданской доблести», и тем самым подводит присяжных к единственно возможному, с моральной точки зрения, выбору.

Управление степенью семантической неопределённости, то есть чередование гиперонимов и конкретных, почти протокольных деталей, продемонстрировало высокую эффективность в решении двух противоположных задач. Абстрактная, метафорически насыщенная лексика позволяла оратору дистанцировать аудиторию от невыгодных фактических обстоятельств, представляя преступление как безличное «зло», стихийное «горе» или экзистенциальную «порочную сладость». Предельная же конкретизация (точные даты, суммы, описания ран, бытовых мелочей, сенсорных ощущений) создавала эффект достоверности и непосредственного присутствия, подтверждая версию защиты на уровне почти физического переживания. Особенно показательна в этом отношении комбинаторика гиперонимов и гипонимов в речи по делу Мироновича, где абсолютизация мотива «подвига ради любовника» соединяется с деталями, подтверждающими истинность признания Семеновой.

Референциальная стратегия, то есть продуманный выбор имён и способов номинации для каждого участника процесса, зарекомендовала себя как мощнейший инструмент программирования отношений. Один и тот же человек – подсудимый – в речи защитника последовательно наделяется именами, активирующими стереотипы незащитности, страдания, жертвенности («бездомная сирота», «зверёк без пристанища», «полуребёнок–страдалица», «георгиевский кавалер», «человек почти равный»), в то время как его оппоненты получают маркеры чуждости,

агрессии или моральной нечистоплотности («опытная интриганка», «тифлисский дворянин», «уроженец юга», «тёмная и странная женщина»). Даже следственные органы и экспертиза дискредитируются через такие номинации, как «следственный синедрион» или «наскоро сшитый саван». Эта система имён формирует у присяжных заданную расстановку моральных акцентов ещё до оценки ими фактических доказательств.

Коннотативный потенциал слова использовался ораторами для создания устойчивого эмоционального фона, на котором логические доводы воспринимаются как естественные и единственно верные. Негативно окрашенная лексика концентрировалась вокруг действий обвинения, потерпевших и порочной среды («омерзительное появление на свет», «гнилая почва», «ад крошечный», «бесславные рубцы»); положительная и возвышенная – вокруг подзащитных и суда присяжных («светлые свойства правды», «честное человеческое сердце», «новое рождение», «умудрённая жизнь»). Эта суггестивная техника, действуя на подсознание, обеспечивает эмоциональную вовлечённость аудитории и некритическое принятие транслируемых оценок.

Идеологически нагруженная лексика, апеллирующая к христианским, патриотическим и правовым ценностям, позволила ораторам поднять частный случай до уровня защиты самих основ общества. Евангельские аллюзии (притча о талантах, образ Лазаря и воскресения, формулы «Иди и не греши»), обращение к образам Родины и «общественной совести», к латинским максимам о правосудии как фундаменте царства превращали вынесение приговора из акта юридической оценки в акт морального и гражданского выбора. Тем самым оправдательный вердикт получал дополнительную легитимацию как торжество веры, национального правосудия и гуманизма.

Языковая игра и фразеологизмы, завершающие арсенал рассмотренных средств, обеспечивали выразительность, запоминаемость и афористическую завершённость ключевых положений защитительных

речей. Обыгрывание многозначности («разрешилась злом», «играла в смерть», «кандидат»), иронические метафоры («бельмо на глазу», «саван для Мироновича»), столкновение прямого и переносного смыслов служили одновременно задачам привлечения внимания, развенчания оппонентов и скрытого доказательства. Фразеологизмы же, будучи носителями коллективного опыта и народной мудрости, переводили сложную юридическую аргументацию на язык повседневного здравого смысла, делая позицию защиты эмоционально близкой и интуитивно понятной присяжным. И идиомы религиозно–этического содержания у Плевако, и книжные обороты Александрова, и разговорные фразеологизмы Спасовича и Андреевского выполняли функцию когнитивных «мостов» между оратором и аудиторией, придавая речи авторитетность традиции и афористическую убедительность.

Сопоставительный анализ речей разных ораторов и по разным делам позволил выявить определённую специализацию средств в зависимости от процессуальной задачи. В делах с сильным политическим или сословным подтекстом (Засулич, Дементьев) на первый план закономерно выходили идеологическая лексика и антонимия, оформлявшие конфликт как столкновение народной правды и формальной законности, гражданского чувства и бездушного произвола. В процессах об убийствах на бытовой и любовной почве (Качка, Бартенев, Богачёв) доминировали приёмы эвфемизации, квазисинонимии и коннотативные сдвиги, направленные на перераспределение вины и создание образа подсудимого как жертвы обстоятельств или среды. В наиболее сложном с доказательственной точки зрения деле Мироновича, где прямых улик не было, а обвинение строилось на косвенных данных, защита сделала ставку на комбинацию гипонимов и гиперонимов (для подтверждения подлинности признания Семеновой), на развёрнутую языковую игру и коннотативно насыщенные метафоры (для дискредитации экспертизы и следствия). Эта вариативность свидетельствует о гибкости и прагматической мотивированности речевых

тактик выдающихся адвокатов, которые интуитивно или осознанно отбирали именно те средства, которые максимально соответствовали особенностям конкретного дела и составу аудитории.

Таким образом, цель исследования достигнута. Поставленные задачи решены: изучены истоки судебного красноречия и особенности его развития в пореформенной России; выявлены основные механизмы речевого воздействия и описана классификация соответствующих лексико–фразеологических средств; отобраны и проанализированы конкретные речи; на основе систематизации обширного языкового материала сделаны выводы о роли и эффективности использования указанных средств в практике российского судопроизводства второй половины XIX века.

Именно через целенаправленный отбор и комбинирование квазисинонимов, антонимов, гиперонимов и гипонимов, референтов, коннотативно и идеологически заряженной лексики, фразеологизмов и приёмов языковой игры реализуются все три базовых механизма воздействия – убеждение (посредством точной номинации и создания логически непротиворечивой картины), внушение (через эмоциональное заражение и снижение критичности восприятия) и побуждение (через адресацию к высшим ценностям и призыв к определённом решению).

Лексико–фразеологический инструментарий, выработанный корифеями отечественной адвокатуры, представляет собой целостную и отточенную систему, позволявшую менять модель мира присяжных, переопределять правовые и моральные категории и в конечном счёте влиять на судебный вердикт. Изучение этой системы на материале речей Ф. Н. Плевако, П. А. Александрова, С. А. Андреевского и В. Д. Спасовича не только углубляет понимание механизмов формирования убеждающей речи в исторической ретроспективе, но и обладает несомненной актуальностью для современной лингвистической и юридической практики. Дальнейшие исследования в этой области могут быть посвящены сопоставительному анализу лексико–фразеологических средств воздействия в речах

обвинителей и защитников, изучению синтаксических и интонационных приёмов, а также сравнению судебного красноречия разных исторических периодов. Полученные в работе результаты могут найти применение в курсах риторики, стилистики, юридической лингвистики, а также в практической деятельности юристов, стремящихся к овладению искусством убеждающей речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров П. А. Дело Засулич / П. А. Александров // Lib.ru : Классика. – [сайт]. – URL: http://az.lib.ru/a/aleksandrow_p_a/text_1878_delo_zasulich.shtml (дата обращения: 10.11.2025).
2. Андреевский С. А. Дело Богачева / С. А. Андреевский // ЛитРес. – [сайт]. – 2012. – URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-andreevskiy/delo-bogacheva-2810515/chitat-onlayn/> (дата обращения: 03.12.2025).
3. Андреевский С. А. Дело Мироновича / С. А. Андреевский // ЛитРес. – [сайт]. – 2012. – URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-andreevskiy/delo-bogacheva-2810515/chitat-onlayn/> (дата обращения: 05.12.2025).
4. Анисимова Т. В. Фразеологические обороты как средство воздействия на адресата в дискурсе социальной рекламы / Т. В. Анисимова // Филологический аспект. – 2022. – № 7. – С. 7–18.
5. Асылгужина Л. Р. История зарождения адвокатуры в России / Л. Р. Асылгужина // Экономика и социум. – 2018. – №5 (48). – С. 1792–1795.
6. Атарщикова Т. Н. Фразеологизмы как средство активации речевой деятельности / Атарщикова Т. Н., Калитвенцева А. А., Головченко А. Н. // Молодой учёный. – 2017. – № 22–1. – С. 1–3.
7. Баишева З. В. Речевые тактики судебного оратора (на материале речей А.Ф. Кони и Ф.Н. Плевако) // Международный научно–исследовательский журнал. – 2021. – № 3 (105). – С. 79–83.
8. Биюшкина Н.И. Психологические приемы в арсенале дореволюционной российской адвокатуры / Н. И. Биюшкина, Ф. С. Сосенков, М. А. Тюленева // Психология и право. – 2023. – №1. – С. 179–190.

9. Бондарева А. А. Конструирование событийности в судебных речах русских адвокатов конца XIX – начала XX в. / А. А. Бондарева // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 9–28.
10. Величко М. А. Фразеологические обороты как средство воздействия в рекламном дискурсе / М. А. Величко, К. М. Величко // Вестник наук. – 2025. – № 1. – С. 629–634.
11. Витлинская Т. Д. Лингвистическая концептуализация понятия «Правосудие» в речах Ф. Н. Плевако / Т. Д. Витлинская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 1 (65). – С. 27–31.
12. Волгина Е. В. Некоторые особенности современного судебного дискурса / Е. В. Волгина, Ильичева Е. Г. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2022. – №3. – С. 66–78.
13. Гаврилова Е. С. Структура речевого воздействия / Е. С. Гаврилова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 87. – С. 145–148.
14. Галяшина Е. И. Речевое манипулирование и восприятие устной речи в судебной онлайн-коммуникации / Е. И. Галяшина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – №10 (110). – С. 70–78.
15. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия / Е. Г. Гришечко // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 4. – С. 53–59.
16. Демидов О. В. Приемы речевого воздействия в контексте русского судебного красноречия (на материале обвинительных речей А. Ф. Кони) / О. В. Демидов // Вестник Челябинского государственного университета. – 1998. – №1. – С. 149–152.
17. Зарезина С. Н. Интонационно-выразительные средства воздействия на адресата в адвокатском дискурсе / С. Н. Зарезина,

А. А. Мойсеенко // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – №4–3. – С. 41–43.

18. Землякова Н. В., Гарбовская Н. Б. Образные средства языка в выступлениях судебных ораторов как один из приемов эффективной коммуникации // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 6. – С. 131–134.

19. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов) : учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – 3-е изд., пересмотр. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 592 с. – ISBN 978–5–91768–150–4.

20. Ильичева Е. Г. Основы эффективного речевого взаимодействия в суде / Е. Г. Ильичева // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – №3 (30). – С. 137–145.

21. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 224 с. – ISBN 978–5–9765–0766–1.

22. История государства и права России. XVII век – начало XX века : учеб. пособие / В. Е. Рубаник, А. С. Смыкалин, В. П. Мотревич [и др]. – Москва : Изд-во Юрайт, 2026. – 300 с. – ISBN 978–5–534–03504–9. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL : <https://urait.ru/bcode/584269> (дата обращения: 19.02.2026).

23. Касумов А. А. Искусство убеждать и воздействовать в суде / А. А. Касумов // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – №6. – С. 209–213.

24. Кокурин А. В. Способы манипулятивного воздействия в судебной защитительной речи Ф. Н. Плевако по делу П. Качки / А. В. Кокурин, В. Е. Петров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – №10 (110). – С. 88–95.

25. Колесников С. А. Культура судебного красноречия в речах А. Ф. Кони как фактор формирования правового сознания общества /

С. А. Колесников // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2015. – №2 (26). – С. 42–45.

26. Колесников С. А. Формы взаимодействия судебной риторики и правоохранительной практики (на материале отечественных обвинительно–защитных речей XIX века) / С. А. Колесников // Фемида. Science. – 2015. – № 2. – С. 77–83.

27. Кони А. Ф. Советы лекторам. Совещание о составлении устава о печати / А. Ф. Кони. – Москва : Изд–во Директ–Медиа, 2014. – 42 с. – ISBN 978–5–4475–1085–5.

28. Крапивкина О. А. Диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции в судебных дискурсивных практиках / О. А. Крапивкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12 (90), ч. 1. – С. 227–231.

29. Кубиц Г. В. Стратегия речевого воздействия адвоката в судебном процессе / Г. В. Кубиц // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №33 (247). – С. 80–82.

30. Кудряшова В. В. Мастер судебного красноречия А. Ф. Кони / В. В. Кудряшова, М. А. Петров // Записки Горного института. – 2006. – Т.167. – С. 277–279.

31. Липка Д. В. Проблемы становления института адвокатуры в России / Д. В. Липка // Образование и право. – 2021. – №11. – С. 30–34.

32. Любимова Д. Д. С. А. Андреевский: судебный оратор и литературный критик / Д. Д. Любимова // Бюллетень медицинских интернет–конференций. – 2017. – №6. – С. 836.

33. Маркова Е. М. Русская фразеология в аспекте учения Н. М. Шанского / Е. М. Маркова // Русский язык в школе. – 2022. – №83 (6). – С. 53–62.

34. Михалкин Н. В. Риторика для юристов : учебник для вузов / Н. В. Михалкин, С. С. Антюшин. – 2–е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 250 с. – ISBN 978–5–534–21618–9. – Текст :

электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL : <https://urait.ru/bcode/581835> (дата обращения: 19.02.2026).

35. Новикова М. Л. Стилистика и риторика. Основы судебного красноречия / М. Л. Новикова, Н. В. Балкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2008. – №1. – С. 89–95.

36. Осадчук Е. И. История зарождения и развития адвокатуры в царской России / Е. И. Осадчук // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №4 (54). – С. 81–85.

37. Павлова Л. Г. Риторические компетенции – основа профессиональной деятельности юриста / Л. Г. Павлова // Северо–Кавказский юридический вестник. – 2010. – №2. – С. 87–92.

38. Плаксина Е. С., Яблоновская Н. В. Коммуникационные технологии воздействия в судебной публицистике П. А. Александрова // Litera. – 2022. – № 10. – С. 124–134.

39. Плевако, Ф. Н. Избранные речи в 2 т. Том 2 / Ф. Н. Плевако. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 324 с. – (Антология мысли). – ISBN 978–5–534–02758–7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/561668> (дата обращения: 03.11.2025).

40. Помырляну Н. А. Речевое воздействие: способы, типы и приёмы / Н. А. Помырляну // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – №3. – С. 71–78.

41. Пригарина Н. К. Риторический аспект изучения стратегий и тактик аргументативной деятельности / Н. К. Пригарина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – №2 (36). – С. 165–169.

42. Руднев В. Н. Культура речи юриста : учебник и практикум для вузов / В. Н. Руднев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт,

2025. – 154 с. – ISBN 978–5–534–18165–4. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL : <https://urait.ru/bcode/561495> (дата обращения: 19.02.2026).

43. Рюмова Е. В. Проблема изучения судебного дискурса в современной лингвистике // Электронный научный журнал «Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования». – 2024. – № 4. – С. 24–28.

44. Сараева Н. А. Средство речевого воздействия в защитительных речах / Н. А. Сараева // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – №S2. – С. 43–45.

45. Сергеич П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 395 с. – ISBN 978–5–534–02522–4. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL : <https://urait.ru/bcode/600260> (дата обращения: 19.02.2026).

46. Спасович В. Д. Судебные речи / В. Д. Спасович // Викитека. – [сайт]. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Судебные_речи_\(Спасович\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Судебные_речи_(Спасович)) (дата обращения: 07.01.2026).

47. Халуторных Е. А. Квазисинонимы как элемент речевого воздействия (на примерах текстов СМИ, посвященных событиям в Славянске в мае 2014 г.) / Е. А. Халуторных // Гуманитарные аспекты современных массмедиа: проблемы, противоречия : материалы Студенческих науч. чтений (Екатеринбург, 10 апреля 2015 г.). – 2015. – С. 46–49.

48. Чернышов С. В. Фразеология как средство выразительности речи / С. В. Чернышов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № S. – С. 283–286.

49. Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Российский судебный дискурс в свете современной теории аргументации // Критика и семиотика. – 2020. – № 2. – С. 401–412.

50. Шкаликова С. М. Специфика адвокатской риторики в Российской империи и СССР: страсти в зале суда / С. М. Шкаликова, О. С. Нагорная // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2018. – №1 (20). – С. 72–76.